А. С. Стыкалин

ВЕНГЕРСКАЯ КАМПАНИЯ ЦАРСКОЙ АРМИИ 1849 г. И «КАПИТАН ГУСЕВ»: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ О РЕАКЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА ВЕНГЕРСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ 1848—1849 гг.

Февраль 1945 г. Еще продолжались кровопролитные бои за Будапешт, когда писатель-коммунист Бела Иллеш, носивший мундир полковника Красной Армии, предпринимает по поручению красноармейских политорганов выпуск газеты «Новое слово» (Új Szó), рассчитанной на широкого венгерского читателя. 6 февраля во втором номере газеты была опубликована первая из ряда программных статей нового издания. Речь в ней шла о том, как в начале XVIII в. Петр I помогал мощному антигабсбургскому движению во главе с князем Трансильвании Ференцем Ракоци. Причем тезис о более тесном, нежели считалось ранее, союзническом взаимодействии Петра I и Ракоци [1] не был документирован историческими источниками. Статья носила открыто полемический характер. В соответствии с полученным политико-идеологическим заказом Иллеш направил острие своей критики против старой, хортистской («реакционной») историографии, которая «упорно замалчивала» все имевшие место в 1703—1711 гг. факты сотрудничества Петра I и Ракоци, находившихся, согласно

[1] Петр I действительно в 1707 г. вынашивал планы добиться избрания трансильванского князя Ференца II Ракоци польским королем. Он надеялся, что союз с ориентированным на Францию Ракоци поможет ему улучшить российско-французские отношения и расстроить дружбу между Францией и враждебной России Швецией. В сентябре 1707 г. в Варшаве был подписан договор между представителями Петра и Ракоци, в соответствии с которым российская сторона обещала содействовать усилиям «к возвращению вольности Венгерския и Семиградския» (т. е. Трансильвании, управлявшейся венгерской политической элитой). Временные успехи шведской армии не позволили, однако, реализоваться этим планам. Контакты между русским и трансильванским дворами были продолжены, но никакой реальной военной помощи антигабсбургскому движению во главе с Ракоци Россия не оказала, будучи занята войнами со Швецией, а затем и с Турцией. Можно согласиться с тем, что «в запутанном переплетении интересов, характерном для европейской политики того времени, “венгерская карта” была для Петра I лишь одной из многих, причем даже не самой сильной» (*Свак Д.* Венгрия и Россия: история и историки // Судьба двух империй. Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения. М., 2006. С. 7). См. также: *Штернберг Я. И.* Освободительная война 1703—1711 гг. // История Венгрии: в 3 т. Том I / отв. редактор В. П. Шушарин. М., 1971. С. 445—447; Посол Петра I в Ужгороде // *Штернберг Я. И.* Мир поэзии и дружбы (поиски и находки). Ужгород, 1979. С. 53—62. Из работ последних лет: *Гуськов А. Г.* Русско-венгерские связи в XVII — начале XVIII века: посольство Е. И. Украинцева // Государственность, дипломатия, культура в Центральной и Восточной Европе XI—XVIII веков / отв. ред. О. В. Хаванова. М., 2005. С. 172—185.

Стыкалин Александр Сергеевич — ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, кандидат исторических наук.

версии автора, в постоянной связи друг с другом. Именно теперь, после разрыва Венгрии с «третьим рейхом», настало, по мнению писателя, время обратиться к устранению сложившегося в литературе перекоса, т. е. к изучению той части «нашего исторического наследия», которая была связана с многовековой борьбой венгерского народа с немецкой экспансией на Восток. Как подчеркивалось в газете Új Szó, активизация усилий в этой области есть насущная задача для всех историков, не желающих, чтобы венгры и дальше продолжали выступать в качестве наемников немцев, а в результате становились их жертвами [1].

Несмотря на отсутствие документального подтверждения тесного союзнического взаимодействия Петра I и Ракоци, данный тезис оказался активно востребованным пропагандой. С конца 1940-х гг. он надолго становится общим местом в венгерской политико-пропагандистской литературе по истории, перекочевывает из нее и в учебные пособия. Первую попытку поставить этот миф под сомнение в публичном выступлении предпринял на волне XX съезда КПСС выдающийся историк Домокош Кошари (будущий президент Венгерской академии наук). «Сколько раз ко мне приходили жаловаться на то, что в учебнике по истории для средних школ подробно описывается, как артиллерия и солдаты Петра Первого помогали Ракоци в освободительной борьбе, хотя учащиеся точно знали, что во всем этом нет ни слова правды», — говорил он 30 мая 1956 г. на дискуссии об актуальных вопросах марксистской истории, организованной Кружком Петефи [2]. После подавления в ноябре 1956 г. венгерского восстания выступление Кошари, смело пытавшегося противостоять любого рода историческим фальсификациям, стоило ему трех лет тюремного заключения.

Опубликованная 6 февраля 1945 г. статья Иллеша явилась, вероятно, первой, но далеко не последней, одной из многих в ряду других публикаций первых послевоенных лет, авторы которых стремились «в духе времени» отметить пагубность германского влияния на развитие Венгрии и ее культуры, противопоставить это влияние другим, более плодотворным источникам развития — французскому, британскому и не в последнюю очередь российскому. Что же касается заявленной в этой программной статье установки на культивацию традиций антинемецкой, антигабсбургской освободительной борьбы венгерского народа, то она не только требовала наполнения избранной схемы историческими фактами (которых было в достатке), но и имела в качестве «обратной стороны медали» подчеркивание значимости восточных и прежде всего прорусских ориентаций в венгерской политике и культуре разных веков.

Реализуя заявленную программу и войдя при этом во вкус сознательного мифотворчества, Бела Иллеш в следующем номере газеты, от 10 февраля, обратился к событиям 1848—1849 гг. — революции и антигабсбургской национально-освободительной войне венгерского народа, подавленной при непосредственном участии царской армии под командованием фельдмаршала И. Ф. Паскевича. Перед читателями предстали образы капитана Алексея Гусева и его товарищей, осужденных царским судом за неповиновение [3]. Для того чтобы придать излагаемой версии больше достоверности, писатель сделал отсылку (фиктивную) к архивным документам, уничтожение которых можно было списать на еще не закончившуюся войну — в 1945 г. легче, чем когда бы то ни было, можно было объяснить, почему документ не сохранился. Согласно версии Иллеша, долгое время жившего в эмиграции в СССР и выступавшего в глазах читающей публики в роли знатока советской культурной и научной жизни, в 1936 г. историки из Академии наук Белорусской ССР при изучении архивных материалов, относящихся к «венгерской кампании» 1849 г., натолкнулись якобы на папку, которая должна представить интерес не только для советских, но в еще большей мере для венгерских историков и широкой публики в Венгрии. В папке содержалось судебное дело капитана Алексея Гусева и ряда других военнослужащих, относящееся к маю — августу 1849 г. Как явствует из статьи Иллеша, в мае 1849 г. по «делу Гусева» было арестовано еще 15 офицеров за ведение в войсках пропаганды против интервенции царской армии в Венгрию. В августе 1849 г. они предстали в Минске перед военным трибуналом. Для того чтобы

устранить у читателя любые сомнения в достоверности преподносимой версии, Иллеш обильно «цитировал» некоторые положения из выступления Гусева на неправедном суде. По своему идейному содержанию они в ряде мест напрямую перекликались со статьями Йожефа Реваи и других идеологов венгерской компартии о революции 1848 г., публиковавшимися в конце 1930-х гг. в газете венгерской коммунистической эмиграции Új Hang («Новый голос»). Желание спасти от разгрома монархию Габсбургов, говорил, в частности, Гусев своим судьям не повод для того, чтобы проливать русскую кровь, более естественным для России было бы встать на сторону славянских народов, угнетаемых Габсбургами; победа венгерской революции избавила бы эти народы от угнетателя, в свою очередь и венгры могли бы найти себе в лице соседних народов надежных союзников. Таким образом, в уста капитана царской армии вкладывались призывы к единению венгров со славянами монархии Габсбургов в интересах борьбы за общую («вашу и нашу») свободу. Как резюмировал Бела Иллеш, капитан Гусев пришел к пониманию того, что не может быть свободен народ, угнетающий другие народы, а кроме того, нельзя завоевать национальную свободу ценой угнетения других наций — в ряде случаев литератор не устоял перед тем, чтобы приписать царскому офицеру изречение идеологем, почерпнутых из публицистики В. И. Ленина. Согласно Иллешу, Гусев понял большое международное значение венгерской революции, осознал, что в интересах России и русского народа было бы не оказывать поддержки Габсбургам, а, напротив, выступить на стороне их противников. На суде 7 человек из 16 подсудимых были приговорены к смертной казни. Гусев и 6 его единомышленников были казнены в Минске во дворе казармы 16 августа 1849 г. Факт проведения суда долгие десятилетия держался в секрете. Хотя оригинал судебного дела был, как утверждал Иллеш, уничтожен при оккупации Минска вермахтом, его копия по сей день должна храниться в одном из ленинградских архивов, в частности в архиве военно-исторического музея. Зная о более чем ограниченных возможностях доступа в СССР к архивным документам, особенно для иностранцев (тем более что архивное дело находилось в ведении НКВД), писатель мог без видимого ущерба для своей репутации позволить себе «пригласить» венгерских историков по окончании войны в советские архивы, где они якобы могли бы сосредоточиться на изучении ранее не известных им фондов, содержащих ценные документы из истории венгерской революции 1848—1849 гг.

Обладавший немалым опытом практической политики литератор-коммунист (в 1925—1933 гг. — секретарь Международного объединения революционных писателей) преследовал своей публикацией актуальные политические цели — сотни тысяч венгров, подвергавшихся в годы хортизма сильной пропагандистской обработке в антисоветском духе (причем на благоприятный имидж северо-восточных соседей не слишком работало и поведение советских солдат в освобожденной ими стране в 1945 г.), следовало убедить в том, что установление тесных связей с СССР возымело бы для их страны позитивные последствия. Для обоснования правильности текущей политики, ориентированной на союз с СССР, приходилось широко прибегать к историческим аналогиям, приводить исторические аргументы. Новый политический заказ призывал как историков, так и писателей внести свою лепту в изучение и пропаганду длительных традиций сотрудничества венгерского и русского народов, реконструировать во всей ее исторической глубине картину двусторонних связей на протяжении веков. Особенно востребованными могли бы оказаться в этом контексте факты русской помощи венгерскому национально-освободительному движению. Здесь реального исторического материала недоставало и факты предстояло искусственно конструировать, что умел делать довольно беспроигрышно Бела Иллеш, создатель мифа о капитане Гусеве.

Уверенность Белы Иллеша в невозможности опровержения венгерскими историками изложенной им версии (ввиду недоступности советских архивных документов) позволяла ему тиражировать ее в новых публикациях [2]. В том же 1945 г. обе статьи (о союзе Петра и Ракоци и о капитане Гусеве) были опубликованы и в книге о венгерско-русских историче-

ских связях, вышедшей под редакцией Иллеша и другого представителя венгерской коммунистической эмиграции в Москве, вернувшегося на родину в 1945 г., — профессора философии Белы Фогараши [4]. В 1947 г. Иллеш, эксплуатируя свою творческую «находку», написал о капитане Гусеве в жанре художественного очерка, публиковавшегося затем во многих изданиях. В предисловии к сборнику рассказов, включавшему и очерк «Дело Гусева», писатель отмечал сохраняющуюся политическую значимость этого «дела», поскольку оно дает достойный ответ на утверждения о том, что русско-венгерские отношения не имеют якобы исторических корней [5, 5—6. o.]. Шел уже 1950 г., и версии, получившие официальную поддержку коммунистической власти, никто не мог теперь опровергнуть в печати. Показательно также, что примерно одни и те же фразы Иллеш вкладывал в уста своему герою Гусеву и в художественном произведении, и в газетных статьях; он и при публикации художественного очерка сделал примечание о том, что якобы цитирует подлинный документ — запись выступления Гусева на суде. Задача создать у читателя впечатление достоверности описываемых событий оставалась в силе независимо от жанра, к которому прибегал автор.

Эпоха требовала мифологем, доказывающих длительность и многообразие русско-венгерских исторических связей. Вымышленный образ Гусева, поданный его создателем в качестве реального исторического лица, оказался настолько блестящей находкой, что на него все чаще ссылались другие авторы — не только литераторы, но и профессиональные историки, желавшие не отстать от времени. Даже такой крупный писатель, как Дюла Иллеш, отдал дань этой мифологеме, воспроизведя ее в одном из своих рассказов. Причем в предисловии к сборнику, содержащему рассказ, он отметил, что в этом художественном произведении фигурируют только подлинные исторические фигуры [6, 106. o.]. Переходя из одной публикации в другую и все глубже проникая в общественное сознание, миф зажил своей собственной жизнью, совершенно независимой от новых усилий своего создателя.

С легкой руки публициста Г. Хегедюша вымышленный образ Гусева начал фигурировать в одном ряду с подлинными историческими фигурами, такой, например, как находившийся на службе в русской армии офицер польского происхождения К. Руликовский, действительно перешедший на сторону борющихся за свободу венгров, — он был казнен в Надьвараде (ныне Орадя, Румыния) в августе 1849 г. В газетной статье Хегедюша о Руликовском был упомянут и Гусев в качестве реальной персоналии, содержалась ссылка на публикации Иллеша [7]. Общность судеб вымышленного персонажа и реальной исторической фигуры, постановка их в один ряд усиливали впечатление достоверности «дела капитана Гусева».

В ходе венгерской кампании русской армии 1849 г. действительно имели место отнюдь не единичные случаи неповиновения военнослужащих приказам сверху, свидетельствовавшие о непопулярности этой военной акции, чуждой российским национальным интересам. Факты такого рода, зафиксированные в архивах, нашли отражение во многих работах историков [3]. Обращает внимание, что особенно склонны были к протестным формам поведения военнослужащие польского происхождения, имевшие для этого свои специфические моти-

[2] Мифотворчество Иллеша органично вписывалось в его творческую стратегию, направленную на достижение официального признания венгерского коммунистического режима. См.: *Klimó Á. von*. A Very Modest Man. Béla Illés, or How to Make a Career through the Leader Cult // The Leader Cult in Communist Dictatorships. Stalin and the Eastern Bloc / ed. by Apor B. etc. New York : Palgrave Macmillan, 2004. См. также статьи Б. Вереша, анализирующие политическое мифотворчество Б. Иллеша, в первую очередь на примере образа капитана Гусева: *Vörös B.* Illés Béla «Guszev-ügye» — avagy hogyan lett az írói kitalációból történelmi tény 1945 és 1951 között // Múltunk, 2006. №. 3; *Vörös B.* Írói fikció, mint történeti legitimáció: a Guszev-ügy // Valóság, 2008. №. 5; *Vörös B.* Doktor Utrius Pál, Kurt von Eichen és Alekszej Guszev kapitány. Illés Béla történelmi kitalációja és lehetséges el zményei // Sic Itur ad Astra. № 60. Bp., 2009. При этом надо иметь в виду, что Бела Иллеш, когда-то достаточно тесно связанный с репрессированным в СССР в 1930-е гг. Белой Куном, не воспринимался послевоенным лидером венгерской компартии Матяшем Ракоши в качестве человека своей команды.

вы. Многие из них, веря в возможность возрождения польской государственности, резонно воспринимали венгерское национальное движение в качестве потенциального союзника «польскому делу» (тем более что среди генералов венгерской армии были польские военачальники Ю. Бем и Г. Дембинский). Из источников выясняется, что если кто-то из офицеров русской армии и переходил прямо на сторону мятежных венгров, то, как правило, это были поляки [4]. Но в статьях Г. Хегедюша Руликовский подавался отнюдь не как поляк, а как русский офицер, и в этом смысле мало чем отличался от Гусева. В интересах пропаганды русско-венгерской солидарности приходилось подверстывать к создаваемой исторической картине польских офицеров, что вело к заметному ее обогащению (русских героев, открыто протестовавших против действий своих властей в Венгрии, было на самом деле не так много). Миф, переходивший из одной статьи в другую, призван был подчеркнуть типический характер подвига Руликовского и Гусева как представителей прогрессивных кругов российской общественности. Г. Хегедюш шел и дальше, ставя как Руликовского, так и Гусева в один ряд с представителями российской революционной демократии — А. И. Герценом, Н. Г. Чернышевским и другими симпатизировавшими венгерской революции мыслителями [5].

В 1947 г. без упоминания капитана Гусева уже обходилась редкая статья по истории русско-венгерских отношений. В марте 1947 г. на страницах той же газеты Új Szó, издававшейся под эгидой Союзной Контрольной комиссии в Венгрии, о Гусеве как о реальной исторической персоналии впервые говорится в статье советского автора (В переработанной версии статья вышла также в: Igaz Szó. 1947. ápr. 23.) [8]. Публикация этой статьи была призвана подтвердить подлинность судебного дела Гусева уже как бы от имени советской историографии. В статье советского автора также в одном ряду фигурировали реальные и вымышленные фигуры, а усилению научного веса излагаемой версии должны были способствовать (как и в первой статье Иллеша) ссылки на несуществующие архивные документы.

В 1947 г. в общегосударственном масштабе начинается подготовка к 100-летнему юбилею революции 1848 г. В публикациях, излагающих программу юбилейных мероприятий, говорилось о планах ознакомления широкой общественности с «делом Гусева». Для придания веса «делу Гусева» в ряде статей (вероятно, с подачи Б. Иллеша) голословно утверждалось, что документы были найдены до войны в минском военном архиве при участии крупнейшего белорусского поэта Янки Купалы (который умер в 1942 г. и не мог опровергнуть этих утверждений) [9]. Начиная с этого времени никогда не существовавший в реальности капитан Гусев попадает в пантеон героев революции 1848 г., символизируя отношение передовой российской общественности к венгерскому национально-освободительному движению — это отвечало задачам исторической легитимации политического режима, ориентированного в стратегическом плане на СССР. Важно учитывать, что царская интервенция 1849 г. плохо вписывалась в усиленно создававшуюся средствами массовой информации идеализированную картину истории русско-венгерских отношений. Для того чтобы как-то исправить положение, важно было показать — и в реакционной царской армии были прогрессивные офицеры,

[3] См.: *Федоров А. В.* Отношение передовых людей России к венгерской революции 1848—1849 гг. // Вопросы истории. 1957. № 2; *Авербух Р. А.* Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии 1848—1849. М., 1965. Из работ последних лет см.: *Гросул В. Я.* Русские участники зарубежных революций первой половины XIX века // Новая и новейшая история. 2007. № 4; *Орлик И. И.* Венгерская революция 1848—1849 гг. и Россия // Новая и новейшая история. 2008. № 2. Как следует, впрочем, из представленного в работах обильного материала, мотивы неповиновения могли быть разными, включая случаи дезертирства в целях поиска лучшей жизни.

[4] Участию поляков в национально-освободительной борьбе венгров посвящена большая литература. См.: *Kovács I.* «...mindvégig veletek voltunk». Lengyelek a magyar szabadságharcban. Bp., 1998.

[5] Без мифотворчества не обходилось и там, где дело касалось отношения российских революционных демократов и, в частности, А. И. Герцена, много общавшегося с Кошутом в эмиграции, к венгерской революции — анализ проблемы подменялся стереотипами.

радевшие за «венгерское дело». Поскольку в реальности таких офицеров было немного, для создания более внушительной картины приходилось прибегать к мифотворчеству — так был востребован образ Гусева. В программной статье, опубликованной в начале 1948 г., отмечалось, что благодаря СССР идеи 1848 г. получают реализацию на практике через 100 лет — в 1948 г. [10, 9. o.]. Отмечалось также, что предстоящие юбилейные торжества должны быть подчинены задачам культивирования традиций советско-венгерской дружбы. Для практической реализации этой установки необходимо было привлечь большой исторический материал. Если реальных фактов недоставало, факты надо было искусственно конструировать.

По мере приближения юбилейных торжеств значимость «дела Гусева» нарастала как снежный ком. Так, в разработанную программу празднеств входило посещение Минска и возложение венков на могилу капитана Гусева и его товарищей, а также к месту их казни [6, 105. o.]. Выдвигалась также идея перезахоронить останки героев в Венгрии. Возникновение этой инициативы свидетельствовало об эффективности пропаганды — миф был воспринят всерьез, даже многие люди, принадлежавшие к политической элите, верили, что Гусев существовал реально. Более того, различные силы, противоборствовавшие (подчас довольно остро) на политической арене, стремились использовать этот миф в своих тактических интересах. На одном из писем с предложением о возложении венков, относящемся еще к весне 1947 г., стоит резолюция тогдашнего премьер-министра Ференца Надя, лидера партии мелких сельских хозяев. Другой политик этой партии, министр информации Эрне Михайфи, находясь в Москве, при встречах с советскими функционерами напрямую поднимал вопрос о возможности возложения венгерской делегацией венка на могилу. К этому времени контролируемые компартией венгерские спецслужбы усиленно занимаются фабрикацией дела об антигосударственном заговоре, призванного скомпрометировать лидеров партии мелких сельских хозяев (в мае 1947 г. после публикации разоблачительных документов, на самом деле сфальсифицированных, Ференц Надь был вынужден подать в отставку). В условиях мощного напора со стороны своих оппонентов-коммунистов политики из партии мелких сельских хозяев, чтобы доказать как венгерскому общественному мнению, так и Москве свою приверженность далеко идущему сотрудничеству с СССР, отдали дань созданной литератором-коммунистом мифологеме. Между тем желание высокопоставленных венгерских функционеров возложить цветы на несуществующую могилу стало не очень приятным для советской стороны поворотом в «деле Гусева». Инициативы пришлось спустить на тормозах, а людей охладить. Из Москвы дали понять, что возложить венок невозможно, поскольку трудно определить, где находится могила [11, 219—220. o.].

Особенно пышным цветом мифотворчество расцвело в публикациях, посвященных 100-летию революции [12, 9—15. o.]. Очерки о Руликовском и Гусеве, двух «русских» офицерах, перешедших на сторону венгерской революции, были опубликованы на одной газетной полосе и носили взаимодополняющий характер [13]. Эта публикация должна была способствовать тому, чтобы история с «делом Гусева» выглядела более достоверной, а с другой стороны, и образ поляка Руликовского был эффективнее использован в контексте пропагандистской кампании, призванной подчеркнуть русско-венгерское братство, длительность и глубину двусторонних общественных связей [6]. Пафос статей заключался в том, что «свободолюбивый русский народ не отождествлял себя с царским режимом», напротив, его лучшие представители солидаризировались с устремлениями венгров, борющихся за свободу. При упоминании в разных газетных и журнальных публикациях Алексея Гусева делался актуальный политический вывод: политика СССР, т. е. сегодняшней России, освободившей в 1945 г.

[6] В 1948 г. выходят новые книги, в которых Руликовский подавался как русский офицер. См. обобщающего характера работу по истории революции 1848—1849 гг.: Forradalom és szabadságharc 1848—1849. Bp., 1948 (Среди ее авторов были виднейшие функционеры компартии, ответственные за положение дел в исторической науке, — А. Мод, Э. Андич и др.).

Венгрию, в полной мере следует тем традициям, ярким выразителем которых явился в 1849 г. армейский капитан, не подчинившийся приказам своих генералов [7].

В конце 1940-х гг. дежурные ссылки на «дело Гусева» все чаще мелькают в научных изданиях, причем иногда даже в работах серьезных авторов [8]. Уже начиная с 1948 г. о капитане Гусеве упоминается в новых школьных учебниках по истории [9]. Очерки и рассказы о подвиге армейского капитана, принадлежащие перу не только Б. Иллеша, но и других авторов, тиражируются в детских журналах [10]. В августе 1949 г., по случаю 100-летия казни мятежного капитана и его товарищей, была установлена памятная доска на здании министерства тяжелой промышленности в Будапеште (внешним фоном для этой акции послужил готовившийся в это время, от начала до конца сфальсифицированный, судебный процесс по делу видного деятеля компартии Ласло Райка, обвиненного во многих смертных грехах, в том числе в стремлении оторвать Венгрию от СССР). В 1951 г. в честь Гусева была названа улица в столице, после чего его имени удостаиваются и улицы в провинциальных городах [11]. Но когда в 1954 г. Институт истории Венгерской академии наук включил Руликовского в список исторических персоналий, в честь которых следовало бы назвать какие-либо объекты в Будапеште, идея не прошла — только теперь пришла пора вспомнить, что он был поляком. Польско-венгерскую солидарность не было принято пропагандировать, зная о том, что в определенных исторических условиях она могла приобрести антироссийскую либо антисоветскую направленность. В октябре 1956 г. именно демонстрация солидарности с польскими борцами за обновление социализма положила начало мощному венгерскому восстанию.

В дни ежегодно проводившихся месячников советской культуры в Венгрии их организаторы стремились синхронизировать мероприятия, связанные с «делом Гусева» (публикации статей, художественных произведений, открытие мемориальной доски, переименование улиц). В соответствии с политическим заказом инициировались пропагандистские кампании, направленные на утверждение в венгерском массовом сознании представлений о якобы реально существовавшей исторической фигуре русского офицера, публично осудившего подавление венгерской революции. Усилиями многочисленных пропагандистов сформировался глянцевый образ, символизирующий дружбу двух народов и призванный исторически легитимизировать правильность политики Венгерской партии трудящихся (ВПТ), установившей к лету 1948 г. свою монопольную власть в стране, политики, направленной не просто на максимальное сближение с СССР, но на копирование репрессивной сталинской модели.

Однако какие бы мощные пропагандистские ресурсы ни вкладывались в поддержание мифа о Гусеве, этот благородный образ русского офицера все же не был способен нейтрализовать в исторической памяти венгерской нации воспоминаний о решающей роли российской армии в подавлении венгерской революции. Это понимали и партийные идеологи.

---

[7] О том, как в конкретно-исторических условиях весны 1948 г. отмечали 100-летний юбилей революции. См.: Ger A. Az államosított forradalom. 1848 centenáriuma. Bp., 1998; Gyarmati Gy. Március hatalma — a hatalom márciusa. Fejezetek március 15. Ünneplésének történetéb l. Bp., 1998; Erényi T. 1848 és a magyar baloldal 1948-ban // Eszmélet, 1998 tavasz. О юбилее революции 1848 г. в контексте советско-венгерских отношений. См.: *Стыкалин А. С.* Международные научные конференции, посвященные истории Венгрии и российско-венгерских отношений // Славяноведение. 2003. № 5. С. 70—71.

[8] См.: предисловие З. Трочани к публикации мемуаров о царской интервенции 1849 г.: Trocsányi Z. Bevezetés // Két emlékirat az 1849. évi cári intervencióról (Sajtó alá rend. Gonda I.). Bp., 1948. 13—15. o.

[9] Об использовании этого образа в учебном процессе см.: Vörös B. “Odaszámíthatjuk-e Guszev kapitányt és társait a magyar szabadságharc vértanúi köze?” A Guszev-történet megjelenítése az új nemzedékek oktatási-nevelési anyagaiban 1948 és 1956 között // Generációk a történelemben. Nyíregyhaza, 2008.

[10] См.: Pajtás. 1952. Február 20. В публикации на страницах детского журнала «дело Гусева» было поставлено в один ряд с другими фактами проявления русско-венгерского единения в борьбе за прогрессивные идеалы (фактами, относящимися к 1919 г., 1944 г. и т. д.).

[11] О чествованиях в Венгрии несуществующего героя см.: Vörös B. Politikai propaganda, kultusz, szépirodalom. Guszev kapitány és társainak méltatásai 1945 és 1972 között // Irodalomtörténet, 2007. 1 sz.

В 1950 г. возник вопрос о том, когда, в какое время года лучше проводить ежегодные месячники советской культуры. В руководстве ВПТ приходят к выводу о том, что оптимальным сроком проведения месячников стал бы период времени 15 января — 15 февраля, тогда как 15 марта, день начала революции 1848 г. не лучшая дата для демонстрации нерушимой советско-венгерской дружбы [14]. Этот день не очень подходил в новых условиях для того, чтобы оставаться в качестве национального праздника. Хотя традиция антигабсбургской национально-освободительной борьбы и была определенным образом интегрирована в официально признанное коммунистическим режимом национальное идейное наследие, 15 марта с 1951 г. становится рабочим днем, что не могло не задеть национальные чувства миллионов венгров. Вместо этого национальным праздником был провозглашен день окончательного освобождения Венгрии Красной Армией в 1945 г. — 4 апреля. Как отмечалось в соответствующем постановлении Госсобрания, выбор этого дня в качестве праздника подчеркивал нерушимость советско-венгерской дружбы, благодарность венгерского народа своему освободителю, «оплоту мира — СССР, и лично великому Сталину — учителю прогрессивного человечества» [15, 30. o.]. Однако не все венгерское общество готово было принять в качестве национального праздника день, связанный с приходом в страну иностранных войск, пусть даже выступавших с освободительной миссией. Ежегодные неформальные празднования многими тысячами венгров дня 15 марта, принимая оппозиционный действующей власти оттенок, на десятилетия становятся серьезной проблемой для венгерских спецслужб.

Если профессиональных пропагандистов, исполнявших полученный политический заказ, мало смущало отсутствие достоверных источников о «деле Гусева», то серьезные историки не оставляли надежд на доступ к архивным документам. В Венгерском государственном архиве сохранилось письмо, в котором министерство просвещения и культов в 1948 г. просило Москву через посла, известного историка старшего поколения Дюлу Секфю, предоставить копию документов о капитане Гусеве, которые могут храниться в советских архивах, в том числе в упомянутых Белой Иллешем архивных фондах военно-исторического музея в Ленинграде [16]. В ответ на запрос венгерская сторона была информирована: в советских музеях и архивах никаких материалов о капитане Гусеве не обнаружено. (Не было обнаружено и письмо К. Маркса вождю венгерской революции Л. Кошуту, на существование которого указывалось в некоторых публикациях, относящихся к периоду празднования 100-летия революции.) [17]. Даже в тех случаях, когда речь шла о реально существующих документах, доступ к ним для иностранцев был крайне затруднен. Когда дирекция Ленинградского пединститута имени А. И. Герцена обратилась в МИД СССР с просьбой о предоставлении венгерскому аспиранту М. Сабо разрешения сделать фотокопии хранившихся в открытых библиотечных фондах газетно-журнальных статей 1848—1849 гг., в МИДе сочли, что нет формальных оснований отказывать. Однако начальник историко-дипломатического управления МИДа известный историк В. М. Хвостов заметил в своей резолюции: «С другой стороны, не может не вызвать недоумения политическая близорукость соответствующих работников Ленинградского педагогического института, считающих целесообразным занимать аспиранта-венгра историей русской интервенции, направленной на удушение венгерской революции 1848 г. Вряд ли это целесообразно с политической точки зрения» [18, л. 23]. Запрашиваемые копии, как и в ряде других случаев, так и не были изготовлены.

Доступ к документам был нежелательным, поскольку мог разрушить мифы, насаждавшиеся по всем пропагандистским каналам — через учебники, прессу, официальную историографию. Как и в Венгрии, в СССР с конца 1940-х гг. о «деле Гусева» упоминается не только в прессе, но и в научной литературе. Так, в двухтомнике «Революции 1848—1849 гг.» поступок Гусева и его товарищей был приведен в качестве примера доброжелательного отношения прогрессивной части русского офицерства к венгерской революции: «капитан Алексей Гусев доказывал солдатам и унтер-офицерам своей части, что дело Венгрии — правое дело, что

царское правительство воюет не ради освобождения славянских народов, а ради подавления революционного движения и что если венгры будут побеждены, австрийские славяне останутся под гнетом монархии Габсбургов. Гусев призывал своих подчиненных переходить на сторону венгерской революционной армии. Об агитации Гусева узнало начальство; он был арестован вместе с несколькими единомышленниками, отправлен в Россию, предан военному суду и казнен» [12]. Сноска на конкретный источник в тексте отсутствовала.

Бесплодные поиски в архивах, как советских, так и венгерских [13], усилили скептицизм историков в отношении достоверности «дела Гусева», поставив под угрозу мифологему Белы Иллеша. Уже в первой половине 1950-х гг. упоминания о капитане Гусеве и его товарищах выпадают из венгерских учебников. Сомнительное минское судебное дело не было упомянуто в статье советского историка Р. А. Авербух «Борьба венгерского народа за независимость в 1848—1849 гг. и прогрессивные силы русского общества», опубликованной в вышедшем в Венгрии в 1956 г. большим тиражом итоговом сборнике статей советских и венгерских авторов по истории русско-венгерских отношений на протяжении нескольких веков [14]. Это тем более показательно, что выше приведенная цитата из советского двухтомника «Революции 1848—1849 гг. » принадлежала именно перу Р. А. Авербух.

Если в Венгрии к середине 1950-х гг., а особенно после 1956 г. упоминания в научных работах о «деле Гусева» все более воспринимаются в среде историков как проявление дурного тона и пережиток сталинской эпохи, то в советской литературе миф продолжал по инерции цвести пышным цветом, о чем свидетельствует, в частности, статья А. Ф. Федорова [15].

После 1956 г. Б. Иллеш уже не считался в Венгрии литературным авторитетом, поэтому с начала 1960-х гг. дело уже не ограничивается замалчиванием мифа, в венгерской прессе появляются публикации, в которых открыто ставилось под сомнение существование капитана Гусева [19; 20]. В 1965 г. публицист Г. Хегедюш, который в 1940-е гг. внес свою лепту в

---

[12] См.: Революции 1848—1849 гг. Т. I—II / под ред. Ф. В. Потемкина и А. И. Молока. М., 1952. Т. II. С. 119—120 (Текст главы принадлежал Р. А. Авербух). Реально существовавший Казимир Пуликовский в этом тексте не упоминается. Размышления о том, почему среди офицеров российской армии, проявлявших солидарность с венгерской революцией, были представлены преимущественно поляки, могли подвести читателя к нежелательным выводам.

[13] Институт истории Венгерской академии наук получил в 1950 г. задание изучить соответствующие фонды в венгерских архивах в целях нахождения в документах возможных упоминаний о «деле Гусева». Никакие упоминания о Гусеве и его товарищах, как и ожидалось, не были найдены, однако были введены в научный оборот другие факты, свидетельствующие о негативном отношении некоторых российских военнослужащих к венгерской кампании.

[14] См.: *Averbuch R. A.* A magyar nép 1848—1849 évi függetlenségi harca és az orosz társadalom haladó erői // Magyar-orosz történelmi kapcsolatok / szerk. Kovács E. Bp., 1956. В статье цитировались высказывания А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, других российских мыслителей о венгерской революции, приводились свидетельства, почерпнутые из мемуаров современников, были использованы архивные документы, в частности приведен ряд фактов неповиновения российских солдат и офицеров (не в последнюю очередь поляков) в ходе венгерской кампании; хранились эти документы главным образом в фондах военных трибуналов в государственном историческом архиве в Ленинграде.

[15] *Федоров А. В.* Отношение передовых людей России к венгерской революции 1848—1849 гг. // Вопросы истории. 1957. № 2. В работе с опорой на конкретные документы из российских и венгерских архивов были описаны реальные факты перехода военнослужащих царской армии (главным образом поляков, но не только их) на сторону венгерской революции. Вместе с тем без ссылок на архивы была приведена и не подтвержденная документами версия о том, как капитан Гусев, командир батальона, убедившись в справедливости дела венгров, осудил действия царской армии, призывал подчиненных перейти на сторону венгерской революции. 16 военнослужащих в результате были преданы суду. На судебном процессе Гусев обвинял царское правительство в организации несправедливого похода с целью ликвидации завоеваний венгерской революции, который не принесет свободы ни венграм, ни славянам. За отказ участвовать в подавлении венгров семь обвиняемых были приговорены к смертной казни, другие сосланы в Сибирь. Таким образом, в статье была полностью воспроизведена версия Б. Иллеша (Там же. С. 93).

мифологизацию образа Гусева, теперь по сути дезавуировал этот образ как писательскую выдумку — в статье, отдающей должное литературному мастерству Б. Иллеша. Восхваляя писателя, автор довольно элегантно провел параллели между капитаном Гусевым и... Вильгельмом Теллем, в достоверности которого сомневался мало кто из швейцарцев [21]. В этих условиях уже и сам Б. Иллеш в 1960-е гг. нигде больше не утверждал, что Гусев — реальная фигура, хотя и не отказался от новых публикаций своего художественного очерка о нем и получения за это гонораров. Как бы там ни было, в 1960-е гг. образ капитана Гусева еще занимал свое место в пропагандистской, общественно-политической литературе — требования политической пропаганды оказывались сильнее стремления историков к поиску правды. В условиях, когда задача культивации советско-венгерской дружбы оставалась приоритетной, в системе партийного агитпропа не могли и не хотели сразу отказаться от использования привычного, устоявшегося стереотипа, символизирующего братство двух народов. Тем более что новые стимулы для поддержания этого стереотипа исходили теперь из СССР.

3 апреля 1965 г. на юбилейной сессии Госсобрания ВНР, посвященной 20-летию освобождения Венгрии от нацистов, выступил высокопоставленный гость из Москвы, член Президиума ЦК КПСС, председатель Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микоян. Очевидно, что кремлевские спичрайтеры при подготовке раздела его речи, посвященного истории двусторонних отношений, опирались прежде всего на работы 1950-х гг. В 1848 г., говорил Микоян, не только великие мыслители, революционеры-демократы России были на стороне венгерской революции. «Даже в царской армии были революционеры-демократы среди офицеров и солдат, которые смело выступали против тех, кто направлял их на кровавую расправу, поднимали гневный голос протеста и отказывались исполнять роль палачей. Имеются исторические документы, которые свидетельствуют об осуждении многих офицеров и солдат за нежелание пойти против венгерской революции, и мы очень рады, что наши товарищи-венгры это знают и ценят. В Будапеште есть улица капитана Гусева, который открыто заявил, что он и его товарищи не поддерживают акции русского царизма, направленной на подавление венгерской революции, что нельзя русскому народу идти против свободолюбивого венгерского народа. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что он самоотверженно говорил об этом на суде и следствии и погиб вместе с товарищами от рук царских палачей» [22]. История Гусева была поставлена в ряд проявлений революционных традиций, способствующих укреплению советско-венгерской дружбы в условиях строительства социализма.

Сколь ни голословными были утверждения о наличии архивных документов, они повлияли на часть общественного мнения. Через считаные недели после посещения Будапешта А. И. Микоян уйдет с поста председателя Президиума Верховного Совета СССР, хотя в отличие от Н. С. Хрущева, отстраненного в октябре 1964 г., не окажется в полной опале. Как бы там ни было, выступление авторитетного, а в Венгрии особенно влиятельного советского политика (ведь именно с приездом А. И. Микояна в Будапешт молва с полным на то основанием связывала отстранение в июле 1956 г. скомпрометированного партийного лидера М. Ракоши и другие меры по политическому разрешению венгерского кризиса [23]) вдохнуло свежие силы в миф, хотя, конечно, и не вернуло его в венгерские научные публикации.

В момент приезда А. И. Микояна в Будапешт уже и в СССР в научных работах старались обходить стороной фигуру капитана Гусева, зная о невозможности ее верификации источниками. В монографии Р. А. Авербух о венгерской революции 1848 г., в разделе «Борьба венгерского народа за независимость в 1848—1849 годах и передовая русская общественность», говорилось о непопулярности в российском обществе венгерской кампании. Однако капитан Гусев не был упомянут, хотя со ссылкой на статью А. В. Федорова были приведены общие слова: «о случаях перехода русских солдат на сторону венгерской революции, о желании некоторых “воевать за венгерское дело” говорят и венгерская революционная печать того времени, и материалы венгерских архивов» [24, с. 319].

В конце 1980-х гг., на закате эпохи социализма, пришла пора проанализировать «феномен Гусева» в контексте изучения характерных тенденций венгерской историографии Новейшего времени. Как писала в 1988 г. И. Рошонци в предисловии к публикации свидетельств русских участников и современников кампании 1849 г., история с капитаном Гусевым хорошо иллюстрирует плохую осведомленность не только венгерского общественного мнения, но даже профессионалов относительно русских источников по истории венгерской революции 1848 г. Только в этих условиях «дело Гусева» на протяжении десятилетий могло фигурировать в качестве исторического факта как в советской, так и в венгерской литературе, — при том, что ни в каких источниках нет ни малейших о нем упоминаний [25]. В самом деле, хотя историки не просто поставили под сомнение, но давно опровергли факт существования Гусева, его именем продолжали называться улицы во многих венгерских городах и селах, и это питало миф. В Будапеште улица Гусева сохраняла свое название до 1990 г., до 1995 г. на министерском здании висела мемориальная доска в его честь. Еще через два года на другом столичном здании была водружена памятная доска в честь реально существовавшего К. Руликовского. Она была призвана символизировать общность польских и венгерских демократических и национально-освободительных традиций. Таким образом, повороты в «деле Гусева» (как и в деле Руликовского) совпадали с поворотами в развитии страны. Можно добавить, что и сегодня даже в работах крупных российских историков имеют место случаи некритического подхода к «фигуре Гусева», что объясняется историографической инерцией, недостаточным знанием достижений венгерской историографии. В качестве примера можно привести статью В. Я. Гросула, опубликованную в «Новой и новейшей истории» в 2007 г. [16], и его же монографию «Русское зарубежье в первой половине XIX века» (М., 2008). При определенных исторических обстоятельствах вымышленный литературный образ может перевесить

[16] *Гросул В. Я.* Русские участники зарубежных революций первой половины XIX в. // Новая и новейшая история. 2007. № 4. В интересной, насыщенной информацией статье приводятся многочисленные факты, свидетельствующие о неоднозначности настроений в русской армии в связи с ее участием в подавлении венгерской революции и национально-освободительной борьбы в 1849 г. Речь идет среди прочего и об акциях неповиновения российских солдат и офицеров, их отказе воевать против мятежных венгров и даже о случаях перехода на сторону венгерской революционной армии. Автор доказывает, что в венгерской революции русских участников было больше, чем во всех других революциях XIX в. вместе взятых, не акцентируя, правда, специального внимания на том факте, что среди российских участников венгерской революции было очень много поляков. В связи же с «делом Гусева» В. Я. Гросул пишет: «Формы поддержки революционной Венгрии со стороны представителей русского общества и русской армии были различными — от нежелания участвовать в интервенции до прямого перехода на сторону восставших венгров. Известно, что группа офицеров во главе с штабс-капитаном А. Гусевым открыто выступила против похода. Гусев говорил о справедливой борьбе венгров и убеждал своих солдат перейти на их сторону. 16 участников этого протеста были арестованы. На суде Гусев произнес убедительную речь с обвинениями в адрес руководства России, которое проводит политику, противную национальным интересам страны, и проливает русскую кровь в интересах австрийских Габсбургов. Гусев и его товарищи были повешены». В статье содержится ссылка на ряд публикаций 1940—1950-х гг. Это, в частности, издание пропагандистского характера «Документы о венгерской революции и освободительной борьбе 1848—1849 гг. » (Будапешт, 1948), в котором на с. 68—69 был воспроизведен газетный очерк неизвестного автора о Гусеве; упомянутый двухтомник «Революции 1848—1849 гг.»; монография И. А. Федосова «Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (Революционные организации и кружки)» (М., 1958. С. 262). В недавней статье другого крупного историка, И. И. Орлика, со ссылкой на названные нами работы А. В. Федорова (1957), Р. А. Авербух (1965) и В. Я. Гросула (2007) говорится (без упоминания Гусева) о десятках русских офицеров и солдат, участвовавших в «венгерском походе» и выражавших свои симпатии к революционным венграм, о судебных делах, свидетельствующих о переходе русских солдат и офицеров на сторону венгров, об их желании «воевать за венгерское дело». См.: *Орлик И. И.* Венгерская революция 1848—1849 годов и Россия // Новая и новейшая история. 2008. № 2. С. 38.

результаты исторических исследований, опирающихся на источники, и быть востребован в качестве реального факта, стать феноменом историографии. «Дело Гусева» — типичный пример того, как не только реальные исторические традиции и реальное историческое знание, но и тесно связанные с ними историческая мифология и мифотворчество используются получающей официальную поддержку научной литературой для придания легитимности настоящему — прежде всего власти, ее текущей политике. Все это, конечно же, способствует усилению элементов мифологизации в историческом знании [26]. Когда реальных фактов недостает, традицию, взятую в строго определенном идейно-политическом ракурсе, приходится искусственно конструировать методами художественного творчества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Illés B.* Rákóczi és az oroszok // Új Szó. 1945. Febr. 6.
2. A Petőfi Kör vitái hiteles jegyz könyvek alapjan. III. Történészvita. Bp., 1990. 53 o.
3. *Illés B.* Orosz tisztek Kossuth Lajosért // Új Szó. 1945. Febr. 10.
4. Magyar — orosz történelmi kapcsolatok / szerk. Illés B., Fogarasi B. Bp., 1945.
5. *Illés B.* Válogatott elbeszélések. Bp., 1950. 5—6. o.
6. *Vörös B.* Írói fikció, mint történeti legitimáció: a Guszev-ügy.
7. *Hegedűs G.* Rulikovszki ezredes emlékezete // Új Szó. 1946. Febr. 9.
8. *Jepticin E.* Az orosz és a magyar nép történelmi kapcsolatai // Új Szó. 1947. Márc. 15.
9. Új Szó. 1947. Okt. 26; Igaz Szó. 1947. Nov. 12; Új Magyarország. 1948. Febr. 28.
10. *Huszti D.* Centenárium // Fórum. 1948. Január.
11. *Vörös B.* Illés Béla «Guszev-ügye» — avagy hogyan lett az írói kitalációból történelmi tény 1945 és 1951 között. 219—220. o.
12. *Hegedűs G.* 1848 történetének ismeretlen lapjaiból // Jószomszédság nagy naptára 1848. Bp., 1947.
13. Új Szó. 1948. Márc. 14.
14. Magyar Országos levéltár (MOL). 276 f. 252 — II ő. é.
15. *Glatz F.* Ünnepeink 1945—1990 // História. 1992. № 10.
16. MOL. 276 f. 256 — IV ő. é.
17. Архив внешней политики России (АВПР). Ф. 077. Оп. 28. Пор. 25. Папка 131.
18. АВПР. Ф. 077. Оп. 28. Пор. 56. Папка 131.
19. *Szeberényi L.* Guszev kapitány // Új Írás. 1961. Július.
20. *Vörös B.* «Hiszen Guszev nem is létezett». Egy kultusz lerombolása az 1950-es évek közepét l az 1990-es évekig // Századvég, 2008. 3 sz.
21. *Hegedűs G.* A novellista Illés Béla // Új Írás. 1965. Augusztus.
22. Правда. 4 апреля 1965 г.
23. *Стыкалин А. С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 г. и политика Москвы. М. : Новый хронограф, 2003. 320 с.
24. *Авербух Р. А.* Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии 1848—1849. М. : Наука, 1965. 407 с.
25. A magyarországi hadjárat 1849. Orosz szemtanúk a magyar szabadságharcról. Bp., 1988.
26. The Invention of Tradition / ed. Hobsbaum E., Ranger T. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1985.

Статья поступила в редакцию 18 мая 2011 г.